

Корнелия Функе

Дикие куры

и счастье
на земле

Перевод Ирины Алексеевой

Popcorn Books. Дикие Куры

Корнелия Функе

Дикие куры и счастье на земле

«Individuum / Popcorn books»

2000

УДК 821.111
ББК 84(4Гем)-44

Функе К.

Дикие куры и счастье на земле / К. Функе — «Individuum / Popcorn books», 2000 — (Popcorn Books. Дикие Куры)

ISBN 978-5-04-229641-3

Каникулы обещают быть незабываемыми: Дикие Куры едут на конную ферму! Прохладные утренние часы, запах сена и уроки верховой езды – все вокруг кажется новым и удивительным. Но идиллия быстро заканчивается: на ферме появляются Пигмеи, и начинается череда приключений и первых влюбленностей. Пока одни репетируют школьную пьесу, другие пытаются разобраться в своих чувствах, а младшие проказники – Дикие Цыплята – устраивают шалость за шалостью. Этой осенью Курам предстоит узнать, что дружба и любовь требуют смелости, – и только те, кто не боится упасть, умеют по-настоящему держаться в седле.

УДК 821.111
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-229641-3

© Функе К., 2000
© Individuum / Popcorn books, 2000

Содержание

Пролог	6
1	7
2	11
3	17
4	21
5	23
6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Корнелия Функе

Дикие куры и счастье на земле

Cornelia Funke

Die Wilden Hühner und das Glück der Erde

Text copyright © Cornelia Funke, 2000

© Illustrations copyright © Sas Milledge, 2024

© Ирина Алексеева, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026, Soda Press

*Для настоящих Роберты и Хайди Флинт,
для настоящей Верены и настоящей Лилли,
для Сони, Сенке и Каролы —
и, конечно, для Ярпура и Снеглы,
но они эту книгу точно не прочитают*

Пролог

Это четвертая приключенческая история про Диких Кур. Для тех, кто их еще не знает: Дикие Куры – это девчачья банда, их пятеро: Шпрота, Мелани, Труда, Фрида и Вильма. Конечно, и на этот раз тут будут Пигмеи, их злейшие враги, которые время от времени превращаются в друзей, ну – редко. Есть еще несколько важных персонажей, двуногих и четвероногих, о которых я пока ничего не скажу.

А, вот еще что, спектакль на этот раз Куры тоже разыгрывают (трое точно): «Ромео и Джульетту» Шекспира. Хотите поточнее узнать, что там Вильма, Труда и Фрида постоянно разучивают наизусть и бормочут себе под нос? На страницах 25–27 Труда все это доходчиво объясняет – по крайней мере, мне так кажется.

Вот, а теперь занавес поднимается, и на сцене Куры: Шпрота, Фрида, Труда, Мелани и Вильма...

1

Шпрота распахнула дверь школы, и солнце осветило ее лицо. Осенний день был прекрасен. Просторный школьный двор устлан красными и желтыми листьями, а воздух – такой теплый на вкус, как будто лето еще застряло между домами. Но Шпрота с таким мрачным лицом зашагала к велосипеду, что двое первоклашек испуганно отступили. «Солнце! Осенние листья! – раздраженно думала она, пристраивая рюкзак на багажник. – Хочу дождь, чтобы вода с неба ведрами и небо чтобы серое. К такому гадкому дню хорошая погода не подходит».

– До завтра! – крикнул кто-то, но она даже головы не подняла. Молча села на велосипед и поехала домой.

– Пять с минусом¹, – пробормотала она, закатывая велик на лестничную площадку. – Это аванс на будущее, причем в последний раз. Хотя шесть с плюсом было бы правильнее.

Она со вздохом открыла дверь в квартиру и повесила куртку в шкаф.

– Ну наконец-то, – крикнула из кухни мама. – Тут ждет торжественный обед, а ты из школы целую вечность возвращаешься. Что-то случилось?

– Абсолютно ничего, – сказала Шпрота. А что ей оставалось? Когда тебе влепили пять, торопиться домой нет смысла. Нет. Про шесть с плюсом мама понятия не имеет, и про пять с минусом Шпрота ей тоже ничего не скажет. Иначе со встречами Диких Кур будет покончено, и с уютными посиделками в штаб-квартире банды, и со всеми прочими радостями жизни. Вместо этого опять придется сражаться с этим душным репетитором по английскому. Нет, пока причин для паники нет, все окей. Два раза чуть-чуть оступилась, ну подумаешь. Просто надо почаще все это повторять самой себе, тогда поверишь.

Перед тем как войти в кухню, Шпрота на секунду остановилась перед зеркалом и заставила себя изобразить на лице улыбку. Вышло не очень убедительно, но мама вряд ли что-то заподозрит.

– Слушай, я поставлю все еще раз в духовку разогреть? – сказала она, когда Шпрота под села к ней за стол. – Или тебе холодная мусака норм?

– Без проблем, – пробормотала Шпрота, разглядывая деликатес на тарелке и не веря глазам своим. – Ты что, еду у греков заказала? Посреди недели?

– А что? Мы же целую неделю одной жареной картошкой и заморозками овощными питались. – Мама смущенно потерела скатерть. Так. На кухонном столе лежала настоящая скатерть. О том, что у них такая есть, Шпрота даже не подозревала. В душу Шпроты закралась тревога. Она озабоченно наморщила лоб.

¹ В Германии система оценок обратная: 1 – отличная отметка, а 6 – очень плохая. Так что «пять» считается плохой оценкой – примерно как двойка в русской школе.

– Мам, что случилось? – спросила она.

У мамы на губах блуждала улыбка.

– А что такого? Я подумала, что пора снова навести уют. Ну, всю неделю как-то все времени не было.

Шпрота ковыряла мусаку. Она не верила ни единому маминому слову.

Особенно много времени они вместе никогда и не проводили. Сколько Шпрота себя помнила, мама всегда работала в такси. Деньги зарабатывала – отец смылся, когда Шпроте было ровно шесть месяцев. Но им вдвоем всегда было хорошо. Даже очень. А потом возник этот Зануда. С тех пор и полгода не прошло, а все переменилось категорически.

Раньше каждое воскресенье Шпрота забиралась к маме в постель. Они вместе завтракали, пододвигали телевизор к кровати и смотрели старые фильмы. Но с тех пор как этот парень начал хозяйничать у матери под одеялом, Шпрота избегала спальни, словно там водились гремучие змеи.

– Положить тебе виноградных листьев?

Шпрота помотала головой, не спуская глаз с матери. Та избегала смотреть на Шпроту и внезапно густо покраснела. Приехали.

– Мам, что случилось? – спросила она снова. – Опять что-то неприятное сказать хочешь? Пообещала бабушке, что я ей по саду помогу? Нет у меня времени! Уроков чертова прорва!

– Ты что, бабушка тут совершенно ни при чем! – ответила мама. – Ешь, а то все уже остыло. – Но сама она тоже не ела, а с отсутствующим видом ковырялась в салате.

Бабушку Слетберг – собственно, маму мамы Шпроты – трудно было назвать милой или доброй. Но пока мама Шпроты таксовала, Шпрота оставалась у нее, другого выхода не было. И через раз приходилось гнуть спину на бабушкином огороде, тут уж ничего не поделаешь. Она-то предпочла бы с ее собакой прогуляться. А еще Шпрота в прошлом году спасла пятнадцать ее кур из-под топора забойщика. Но это совсем другая история.

Почему посреди недели вдруг еда из греческой таверны?

Шпрота набрала в легкие побольше воздуха.

– Мам, только вот не надо говорить, что к нам опять вселяется этот Зануда!

– Чушь какая! – Мама рассерженно бросила на стол вилку. – И прекрати наконец называть его занудой.

– А если он на самом деле зануда, как его тогда называть?

– Ой, не надо, он всего-навсего осмелился сказать тебе, что «маргарин» пишется с двумя «а».

– Человек, который ищет орфографические ошибки в списке, что купить, – самый настоящий зануда! – Шпрота произнесла это очень громко, а у мамы на глазах выступили слезы.

– При любом раскладе он примерно в сто раз лучше тех нудил, которых твои подруженьки посылали по мою душу! – проговорила она. Прошел уже почти год с тех пор, когда Диким Курам пришла в голову идея разместить брачное объявление про маму Шпроты, но она до сих пор не могла им этого забыть. Всхлипывая, она стала сморкаться в платок.

– У тебя тушь поплыла! – пробормотала Шпрота. – Ладно, занудой я его больше называть не буду. Честное куриное. Но тогда ты мне сейчас наконец расскажешь, по какому случаю мы тут... – Она сунула в рот кусочек холодной мусаки. – ...праздник устроили. Помимо того довода, что готовить ты вообще не можешь.

Мама взяла салфетку со стола и промокнула заплаканные глаза.

– Мне нужен отпуск, – забормотала она, не глядя на Шпроту. – Как минимум три года я отсюда никуда не выезжала. В Америку весной мы не поехали, летом ты не захотела от подружек уезжать. Теперь скоро осенние каникулы, и... – Она запнулась. – Ну вот мы и подумали, что можем просто на пару дней съездить на Балтийское море.

Шпрота наморщила лоб.

– Мы? Постой, кто это «мы»? Мы и этот... – Она вовремя проглотила слово, которое уже готово было сорваться у нее с языка. – Мы и этот твой пусик? Или как ты его называешь?

Мама Шпроты разглядывала скатерть. Потом вилку. Переключилась на ногти. Только вот на Шпроту не смотрела.

– Мы с Торбенем подумали... – начала она, замолчала и опять взялась за вилку. – Мы подумали, что было бы так здорово... Ах, проклятье! – Она швырнула вилку на тарелку с такой силой, что та целиком погрузилась в соус цацки. – Господи, я веду себя так, словно должна тебе признаться в каком-то преступлении! – воскликнула мама. – Причем преступление тут совсем ни при чем.

– И что? – Шпрота знала, что ответ будет чудовищный. Просто знала, и все. Ни крошки с тарелки она больше не могла проглотить.

– Да мы с удовольствием одни поедим! – сказала мама и посмотрела на потолок, как будто в этот момент разбивала сердце той лампе наверху, а не собственной сраженной наповал дочери. – Совершенно одни. Без детей.

Вот и все.

Шпрота чувствовала, что уголки рта у нее начинают дрожать.

Так вот оно что. «Мы» больше не означало «мама и Шпрота». «Мы» значило теперь «мама и этот Зануда». Жгучая белая ярость поднялась в груди, поползла по телу, проникла в кончики пальцев, Шпрота ощущала ее в каждой клеточке. Она потянула на себя скатерть, эту идиотскую скатерть в цветочках, и больше всего ей сейчас хотелось сорвать ее на пол, чтобы весь этот обман с едой в стиле «пора снова навести уют» приземлился на пол.

Шпрота чувствовала, что мама смотрит на нее с тревогой.

– Без детей? А какие дети вас еще обременяют, кроме меня? Или ты мне сейчас еще что-нибудь новенькое поведаешь?

– Шарлотта, прекрати!

Мама побледнела, лицо у нее стало как те салфетки, которые она разложила рядом с тарелками. Вот и салфетки эти, обычно они такими не пользовались. Шпрота по-прежнему сидела, вцепившись в скатерть.

– Для тебя я, конечно, тоже кое-что придумала, – услышала она мамин голос. Шпроте казалось, что голова у нее совсем пустая. Да и сердце тоже. – Одна моя подруга держит конный двор, ты ее не знаешь, мы вместе в школу ходили... – Мама говорила так быстро, что захлебывалась собственными словами. – Она уже пару лет его держит, но я так до сих пор и не собралась к ней съездить, ты же знаешь, я боюсь лошадей. Но говорят, там очень классно. Короче, я ей позвонила, у нее на осенних каникулах еще осталась пара свободных мест, и это совсем недорого. Так что... – Шпрота слышала, как мама набирает в легкие побольше воздуха. – Я тебя на первую неделю каникул сразу записала.

Шпрота кусала губы. Конный двор. Не люблю лошадей, хотела сказать она. Ты же это прекрасно знаешь. Забава для дурочек. Но она не сказала ни слова. В голове у нее крутилось только одно. Предательница. Предательница, предательница, предательница.

Раздался звонок в дверь.

Мама вздрогнула, словно кто-то выстрелил в окно.

– Ну что, угадать, кто там? – спросила Шпрота. Слова вдруг снова появились. Но среди них не было ни одного доброго. Она отодвинула стул и пошла к двери.

– Могла бы напрячься и сказать хотя бы, что ты меня понимаешь! – прокричала мама ей вслед. – Пару дней всего потерпеть, ну правда, всего-то делов.

Шпрота нажала на ручку и открыла входную дверь. Она слышала, как Зануда взбегает вверх по ступенькам, словно хочет поставить мировой рекорд. Шпрота надела куртку.

– Могу понять, что ты обижена! – крикнула мама из кухни. – Но другие девчонки спят и видят, как бы попасть на конный двор...

Шпрота сунула ключ в карман. Она услышала, как Зануда, тяжело дыша, преодолевает последние ступени.

– Шпрота, привет, – сказал он, просовывая голову в дверной проем. Шпрота протиснулась мимо него.

– Для тебя – Шарлотта, – сказала она. – Когда ты это наконец запомнишь?

– О-о, она опять не в настроении! – успела услышать Шпрота и захлопнула дверь за спиной. Она поскакала вниз по лестнице, гораздо быстрее, чем он. Несмотря на то что от ярости у нее перехватывало дыхание.

– Шпрота! – закричала мама вслед. С потерянным лицом она перевесилась через перила. Она терпеть не могла кричать что-то на лестничной клетке. – Ты куда?

– Подальше отсюда! – ответила Шпрота. Снова выкатила велосипед, и дверь подъезда за ней захлопнулась.

2

Шпрота точно знала, куда направляется. Почти год у Диких Кур была своя штаб-квартира: большой жилой фургон, который Труда получила в подарок от своего отца в придачу к земельному участку, на котором он стоял. Незадолго до того как ее родители развелись.

Даже в этот день, который принес столько горя, Шпрота почувствовала себя лучше, когда поехала по усеянной рытвинами улице. Фургон стоял в самом ее конце. С дороги его было не видно. Высокая, одичавшая живая изгородь из кустов боярышника обрамляла участок, а фургон стоял совсем сзади, на опушке леса, под большим дубом, и каждый день уже на протяжении нескольких недель желуди падали с дерева и громко стучали по жестяной крыше. Когда темнело, этот звук казался жутким. Как будто по крыше барабанит пальцами великан, всегда говорила Фрида.

Фрида была лучшей подругой Шпроты. Главной и единственной на всю жизнь до самой смерти. Несмотря на то что спорили они иногда так, что потом по три дня друг с другом не разговаривали. Шпрота еще издали увидела велосипед Фриды, он был прислонен к щиту, который Вильма соорудила из метлы и старой дверцы шкафа. «Частное владение» – было намалевано по темному дереву. «Вход лисам и лесным гномам строго воспрещен». «Если бы это писала я, – подумала Шпрота, защелкивая замок велосипеда, – там было бы по меньшей мере пятнадцать орфографических ошибок». Вильма не делала ошибок. Фрида тоже. Но на последней контрольной по английскому Шпроте не помогло даже то, что Фрида то и дело пододвигала ей свою тетрадь. Нет, просто совсем ничего уже не помогало. «Все, – думала Шпрота, открывая скрипучую решетчатую калитку. – Больше никаких мыслей про школу и про матерей-предательниц».

Труда тоже уже приехала. Ее велик валялся под кустом. Шпрота чуть было не запнулась об него в высокой траве, которую все лето никто не косил. Она щекотала ноги и доходила Шпроте до колен. Только возле загородки, где копошились куры, принадлежавшие еще в прошлом году бабушке Шпроты, трава была вытоптана, чтобы ни одна лиса не подкралась к забору незаметно. Как только Шпрота приблизилась к загородке, внутри которой все было начисто склевано, куры подняли головы и поспешно заковыляли навстречу.

– Ну как вы? – спросила Шпрота, просовывая сквозь металлическую сетку охапку одуванчиков. Несушки жадно хватали свежую зелень прямо у нее из рук. Шпрота сорвала им еще несколько листьев одуванчика, потом распрямилась и огляделась.

Вот так, она считала, должен выглядеть рай. Дикий и бескрайний. Пахнущий мокрой травой. А посередине должен стоять именно такой фургон. Синий, расписанный звездами, планетами и всем тем, что отцу Труды пришло в голову. Наискосок поперек двери Мелани напи-

сала: «Дикие Куры» – золотой лаковой краской. А на окне висела штора, которую Труда сшила собственными руками.

Поднимаясь по узкой лесенке к двери жилого фургона, Шпрота слышала голос Фриды:

– Ужели в небесах нет милосердия, чтоб в глубину тоски моей
взглянуть?²

Мама дорогая, опять они репетируют. С самых летних каникул у Фриды и Вильмы в голове только театр. Обе записались в театральный кружок, который устроила в школе новая учительница по немецкому. И что же они решили ставить? «Ромео и Джульетту». Шпрота вздохнула. Каждую среду вечером они репетировали в школе, а перед премьерой, дата которой уже объявлена, будут репетировать еще больше. Кроме того, Фрида по вторникам работала с группой уличных детей, для которых она время от времени по субботам собирала деньги. Еще были дни, когда Вильма занималась с репетитором (никто из них не понимал, зачем Вильме репетитор), когда Труда училась игре на гитаре (которую ненавидела), а у Мелани были дни для Вилли (Вилли был ее друг, уже полтора года, даже больше). Не часто случалось, чтобы все Дикие Куры одновременно оказывались в своей штаб-квартире. Но когда Шпрота приходила, там всегда кто-нибудь да был.

В фургоне пахло чаем. Фрида стояла в кухонном углу, отрешенно помешивала ложкой в кружке и громко говорила:

– Родная, не гони меня, молю! Отсрочь мой брак на месяц, на неделю; а нет – мне ложу брачную готовьте...

– Не ложу, а ложе брачное, – поправила Труда. Она лежала, вытянувшись, на большом матрасе в другом конце фургона, рядом начатая плитка шоколада, а перед носом сценарий Фриды. Когда Шпрота захлопнула за собой дверь, она подняла голову.

– Ну и что тебе сказала мама насчет оценки за контрольную? – спросила она. – Моя из-за четверки с минусом так возбудилась, как будто меня на второй год оставили.

– Моя из-за школы вообще никогда не возбуждается, – ответила Шпрота и бросила куртку на лавку возле окна. – У нее сразу такое траурное лицо. Можно подумать, что кто-то умер. А что ты там месишь, можно узнать?

– Тесто для вафель, – ответила Фрида. – на яйцах от наших несушек. Сегодня в виде исключения мы опять все будем в сборе. Еще Мелани и Вильма придут. Кстати, – из шкафчика над мойкой она достала небольшую миску и протянула ее Шпроте, – глянь, что еще снесли наши куры. Елочные шары! Мало на свете кур, которые на это способны.

Труда захихикала и смахнула шоколадные крошки со страниц сценария.

– Нет, по-любому лучше, чем шарики от моли, которые мы на прошлой неделе в гнездах нашли. Так ведь?

Естественно, все они знали, кто подбрасывает в курятник такие яйца. Конечно, Пигмеи, их старые враги-друзья, у которых штаб-квартира в ближайшем лесу, и каждый раз, когда эти четверо начинали скучать, они наносили визит-сюрприз в курятник и каждый раз удивительные вещи среди сена оставляли. У девочек уже составила целая коллекция диких вещей: садовые гномы, драконьи яйца, резиновые смурфики. Если целую неделю никаких сюрпризов не случалось, Кур постигало разочарование. Но на этот раз Шпрота смотрела на елочные шары так, словно они были повинны во всех ее бедах сегодняшнего дня.

– Вообще не смешно, – сказала она, наблюдая, как Фрида убирает миску с шарами обратно в шкаф. – И если я еще раз застаю лесного гнома у нас в курятнике, я его там запру и буду держать, пока он от голода куриное дерьмо жрать не начнет.

² Здесь и далее герои цитируют трагедию В. Шекспира «Ромео и Джульетта» в переводе Т. Щепкиной-Куперник.

Фрида и Труда обменялись потрясенными взглядами.

– Эй, подруга, что с тобой? – спросила Фрида. – Плохую отметочку забыть не можешь? Я тебя к следующей натренирую, если хочешь.

– Не, другое, – пробормотала Шпрота. – Матушка моя.

Проговорилась. Притом что она дала себе слово на эту тему вообще не говорить. Но было до того хреново. Больно, как будто осколок в сердце засел.

– А что матушка? – Фрида подлила еще молока в тесто.

– Родная, не гони меня, молю! – продекламировала Труда.

– Уехать собирается. – Шпрота опустила палец в миску с тестом и облизала. – С этим своим Занудой. И без меня.

– На этих каникулах? Сейчас? – спросила Фрида, доставая из шкафа вафельницу, которую им отдала мама Труды.

– Ну да, они, видите ли, хотят хоть ненадолго вдвоем остаться.

– Ясное дело. – Труда перекатилась с живота на спину. – Если мамочки влюбляются, дочки сразу начинают мешать. Особенно если дочки не в таком восторге от маминых мужчин, как сами мамы.

У Труды был богатый опыт. С тех пор как ее родители развелись, мама уже два раза заводила нового друга. А папа давно жил с другой женщиной.

Шпрота молчала. Ей было странно, что подруги воспринимают предательство матерей с такой легкостью. Но в то же время от этого почему-то становилось легче.

– И кто же этот счастливчик? – спросила Фрида, распределяя кусочки теста на смазанной маслом железной пластине. – Все тот же инструктор по вождению?

Шпрота кивнула.

– Она на конный двор меня хочет сплавить, – заявила она и с отвращением уставилась в окно.

Фрида чуть было вафельницу не уронила.

– Что? И от этой новости ты так расстроилась?

– Какой конкретно конный двор? – Труда села на матрасе.

Шпрота поставила на столик у окна пять тарелок и пять чашек.

– Мамина подруга держит, – ответила она.

– Пахнет нереально крутыми каникулами, – откликнулась Труда и глянула в окно. – Смотри-ка ты, кто к нам подваливает, – Меркуцио. Когда она узнает, что ты едешь на конный двор, она от зависти вафлей поперхнется.

– В плане? Кто это – Меркуцио? – Шпрота недоуменно посмотрела Труде через плечо и увидела, как к фургону, как всегда торопясь, бежит Вильма. Перед курятником она внезапно остановилась и, как не в себе, принялась бешено рвать траву для кудахтающих кур.

– Вильма играет Меркуцио, лучшего друга Ромео, – объяснила Труда. – Ты же в курсе, Меркуцио укокошат, потому что он в спор между Монтекки и Капулетти вмешался.

– Чума, чума на оба ваши дома! – процитировала Фрида. – Я из-за них пойду червям на пищу!

– Ага, ясно, – проговорила Шпрота. – Если честно, я понятия не имею, про что там. Знаю только, что все плохо заканчивается.

– Не парься, объясняю! – Труда поправила очки на носу. – Значит, так, в Вероне живут две семьи, которые испокон века враждуют. – Она поставила на стол восемь стаканов. – Монтекки... – Она сдвинула четыре стакана налево. – И... – Сдвинула четыре других вправо. – Капулетти. Они враждуют много круче, чем Куры и Пигмеи, все гораздо хуже у них. Но Ромео, единственный сын Монтекки, влюбляется в Джульетту, единственную дочь Капулетти. Они даже тайно женятся.

Труда взяла стакан слева, другой – справа и сдвинула их один к другому, так что они тихо звякнули.

– Но что делают остальные? Они ни о чем не подозревают, продолжают конфликтовать друг с другом. Лучший друг Ромео, Меркуцио... – Труда взяла один стакан слева и поставила посередине. – Он сражается с Тибальтом, двоюродным братом Джульетты. – Труда взяла стакан справа, толкнула его на середину – стакан упал. – Все! Убит! – сказала она. – Меркуцио гибнет от шпаги Тибальта. Ромео приходит в ярость, ему больно. Он забывает про Джульетту, про все забывает – и убивает Тибальта. – Труда резко опрокинула другой стакан. – Ромео изгоняют из города. Он больше никогда не имеет права вернуться в Верону. Никогда. Как ему снова увидаться с Джульеттой? – С тяжким вздохом Труда раздвинула в разные стороны два стакана, которые она еще недавно так нежно соединила. – Джульетта непрерывно плачет, и родители решают выдать ее замуж. Родители иногда просто совсем не в теме. – Труда в задумчивости крутила в руках стакан Джульетты. – Джульетта не знает, что делать. Она достает яд, от которого погружается в глубокий сон, но Ромео решает, что она умерла, и сам принимает яд. Когда Джульетта просыпается и обнаруживает рядом с собой мертвого Ромео, она вонзает в себя кинжал, и... – Труда сдвинула все стаканы на середину. – Монтекки и Капулетти примиряются у могилы их детей.

– Мама дорогая, – потерянно сказала Шпрота.

– Вильма – офигенный Меркуцио, правда, – поделилась Труда, – но вот с Ромео дикая проблема. У нас в театральном кружке всего три парня: двое из параллельного класса и Стив, причем из них Ромео никто играть не хочет. Так что Ромео у нас теперь Нора. Тортик тоже записывался, но на просмотрах он даже в сцене смерти хихикал.

Это Шпрота хорошо себе представляла. Стив и Тортик были из банды Пигмеев. Как и Вилли, друг Мелани.

– А что Фред, почему он не играет? – спросила Шпрота. Фред был четвертый Пигмей – и непререкаемый глава всей банды. – Фред был бы клевый Ромео.

Зачем она это сказала?

– Думаешь? – отозвалась Труда. – Ну, надо сказать, Фрида сильно обрадовалась, когда Тортику в этой роли отказали. Он же до сих пор ее любовными письмами закидывает. Впрочем, Фриде и во сне не могло присниться, что ее Нора целовать будет, она на этом месте кое-кого другого видит. К примеру...

– Вас не касается, кого я вижу, – перебила ее Фрида. – Бли-ин, из-за вашего трепа я чуть вафли не сожгла! А Вильма что, до сих пор курочек кормит?

В тот же момент дверь распахнулась, да так резко, что Шпрота едва увернулась.

– Эти куры просто обезумели! – прокричала Вильма. – Я до крови пальцы стерла, тонну травы им скормила, а они все просят и просят, можно подумать, что мы их голодом морим!

– Привет, Меркуцио, – сказала Шпрота и прикрыла дверь.

– Ой, ты в курсе? – Вильма уперла руки в боки. – О низкое, презренное смирение! – произнесла она сквозь зубы и схватилась за бедро, словно там висел не водяной пистолет, а шпага. – Тибальт, ты, крысолов, что ж, выходи!

– О господи! – Шпрота с тяжким вздохом опустила на лавку. – Вы все, я вижу, тут с ума посходили. Может, и хорошо, что меня на каникулы отсюда отправят.

– Отправят?

Труда тут же кратко пояснила Вильме, что предстоит Шпроте на каникулах. И та побледнела от зависти.

– Конный двор! – проговорила она.

– Так, а куда делась Мелани? – спросила Фрида и поставила на стол тарелку с вафлями, посыпанными сахарной пудрой. – Я думала, она тоже придет.

– Да она там с Вилли на улице тискается, – ответила Вильма и села. – Эта парочка вообразила, что я их не вижу, но для такой прожженной шпионки, как я...

Вильма и вправду была очень опытной разведчицей. Если Диким Курам нужно было выведать что-то о последних планах Пигмеев, они отправляли Вильму на задание. Именно она, а не кто-то другой, выяснила, где парни строят себе новый дом на дереве. Но в последнее время она целиком и полностью погрузилась в разучивание своей роли.

Все уже съели по вафле, когда явилась Мелани.

– Прошу прощения, – залепетала она, тяжело дыша, и с трудом стянула с себя куртку. – Но, понимаете, старшая сестра постоянно уходит из дома в моих новых сапогах, тогда приходится целую вечность выуживать старые с чердака.

– Долго ты эту отговорку выдумывала? – спросила Шпрота с полным ртом.

– С чего ты взяла, что это отговорка? – Мелани покраснела, как те цветы, которые она когда-то намалевала на дверце холодильника. А Фрида чуть не подавилась вафлей.

– Да я вас видела! – заявила Вильма и постучала Фриде по спине, чтобы та прокашлялась. – Тебя и телохранителя Фреда.

– Он вовсе не телохранитель Фреда, – напустилась на нее Мелани. – А у тебя явно нет более интересных занятий, кроме как за всеми шпионить.

– Ты главную новость знаешь? – спросила Фрида, чтобы сменить тему. И Шпроте пришлось еще раз рассказать о планах своей матери.

– Ты надолго уезжаешь? – спросила Мелани, приступая к горячей вафле, которую Фрида положила ей на тарелку.

– То ли пять дней, то ли шесть, короче, на всю первую неделю каникул, – проговорила Шпрота. – но давайте эту тему оставим. Как только подумаю, что за вертихвостки там будут кругом бегать... Щебетать мы будем исключительно целыми днями про лошадей и про то, какая это милота – лошадки.

Шпрота со стоном закрыла лицо руками.

– Минуточку! – Вильма поставила на стол кружку. – А почему бы нам не поехать туда всем вместе? Это будут лучшие каникулы на свете.

Озаренные этой мыслью, девочки смотрели друг на друга.

– Точняк, круто будет, – пробормотала Фрида. – Так хочу снова на лошадке прокатиться.

– А платить кто будет? – Мелани нахмурилась. – Родители покрутят у виска, если я начну их об этом просить.

Отец Мелани уже почти два года сидел без работы, а мама пока перебивалась только мелкими подработками. Прошлой осенью они из-за этого переехали в квартиру поменьше.

– Ой, вряд ли это прям дорого, – сказала Вильма. – Иначе мама Шпроты тоже не смогла бы купить путевочку. Так?

Шпрота кивнула.

– Вы действительно туда тоже хотите? – недоверчиво спросила она.

– Естественно. – Фрида пожалала плечами. – Меня уже сейчас колотит, как о каникулах подумаю. Мама будет кого-то замещать, кто в отпуск уходит, а у Титуса какой-то турнир по карате, и он точно с Люсиком сидеть не будет.

У Фриды было два брата – старший и младший. Старшего, Титуса, все дружно терпеть не могли. Младший, Люсик, был милашка, но присматривать за ним было архисложно.

– Труда, ты что там нахмурилась? – спросила Вильма.

Труда поправила очки.

– Ну не знаю, так-то я с удовольствием, – нерешительно подала голос она. – Но... я вообще-то на лошадь вскарабкаться смогу?

– Ой, брось, это не сложно, – сказала Фрида.

Она единственная из всех Кур брала уроки в школе верховой езды, но инструктор так сурово обращался и с лошадьми, и с учениками, что в конце летних каникул Фрида перестала туда ходить. Вильме было проще, у нее в деревне жила тетка, которая усадила ее на лошадь еще в четыре года.

– Едем! – воскликнула Вильма и ударила кулаком по столу так, что чашки зазвенели. – Все вместе! Получится круто, точно! Ведь иначе нам грозят самые жуткие, самые скучные каникулы на свете, отравленные школьными учебниками! Умоляю! – Она воздела руки к потолку фургона. – Спорим, моя мама уже опять притащила из библиотеки все эти сборники упражнений по правописанию и математике необыкновенной важности?

– Ну, спор ты точно выиграешь, – заявила Фрида. Никто не завидовал Вильме с ее мамой.

– Ну что, тогда спросите дома, пустят ли вас? – Шпрота и не мечтала о том, что ее мрачное несчастье может обернуться таким волшебным счастьем, как каникулы Диких Кур. – Значит, едем все вместе?

– Да! – Фрида подняла кружку. – Просто потому что мы Дикие Куры. Мы не расстаемся никогда.

– Только в чрезвычайных ситуациях, – сказала Вильма и чокнулась с Мелани. – Одна за всех и все за одну!

– Звучит красиво, – сказала Мелани. – Это опять из «Ромео и Джульетты»?

3

Когда вечером Шпрота пришла домой, Зануды и след простыл. Только мама с красными, заплаканными глазами сидела у телевизора.

– Что случилось? – встревоженно спросила Шпрота. – Что он сделал?

– Абсолютно ничего!

Мама основательно высморкалась в совершенно мокрый от слез носовой платок.

– Он даже сказал, что тебя все-таки надо взять с собой. Как ты могла так со мной поступить, просто из-за того, что я один-единственный раз захотела что-то сделать без тебя? Это, это...

Она всхлипывала так громко, что Шпрота не знала, куда глаза девать. С сокрушенным видом она уселась рядом с матерью.

– Да ладно, все норм, – проговорила она. – Я и не хочу с тобой ехать. Я поеду на этот конный двор. Если остальные тоже поедут.

– В смысле? Какие остальные? – Мама озадаченно выглянула из-за носового платка, сияя красным носом.

– Ну, Вильма, Труда, Фрида и Мелани. Если это будет недорого. Иначе Мелани поехать не сможет. Так что позвони подруге и спроси, даст ли она нам пять мест и не сделает ли она нам скидку, если мы, например, будем чистить стойла или еще что-нибудь такое делать.

– У Моны лошади в стойлах не стоят. – Мама потерла заплаканные глаза. – Это исландские лошадки, они даже зимой гуляют на воле. Спросить я, конечно, могу, нужна ли подмога. Только... – Она недоверчиво помотала головой. – Вы действительно хотите поехать все вместе? Все Дикие Куры?

– Ну да, я же сказала!

Шпрота дала маме сухой носовой платок, а мокрый бросила в пепельницу, которую мама вытащила из шкафа только ради Зануды.

– Все Дикие Куры, – повторила мама и посмотрела на Шпроту с тревогой. – Умоляю, только не устраивайте у Моны ничего ужасного!

– Бред! – Шпрота обиженно скривилась. – Ну мы же не дети малые.

– Надеюсь. Я именно об этом.

Мама убавила громкость у телевизора.

– Так. Что ты имеешь в виду? – Шпрота вытаращила глаза. – Парней там точно не будет. Если ты об этом. Парни выездкой не занимаются, они лошадей презирают.

– Да что ты говоришь? – Доводы Шпроты маму явно не убедили. – Сын Моны ездит верхом. У Моны дочь и сын. Бесс примерно столько же, сколько вам, Майк на два года тебя старше. Не дай бог вы будете обращаться с ним как с вашими друзьями-Пигмеями!

Шпрота предпочла не отвечать.

– Ну что, звонишь? – спросила она. – Если остальные не смогут, я тоже дома останусь.

– Все ясно, – пробормотала мама и опять сделала телик погромче. – С Моной я поговорю. Но сначала нужно немного передохнуть после этого дня. Не принесешь мне бокальчик вина?

– Пятьдесят марок в день, – сказала Шпрота, когда на следующий день все собрались во время большой перемены на школьном дворе, греясь на осеннем солнышке. – Еда, жилье, занятия с инструктором и конные прогулки. Дешевле, говорит мама, у ее подруги не получится, это даже не скидка для друзей. Считайте, это даром, себе в убыток. Свободной оставалась только одна комната – на пять ночей.

– Пятью пять. – Мелани, зажмурившись, считала в уме. – Так или иначе, это двести пятьдесят марок. Да с собой еще немного денег надо взять, если погулять захочется или еще что-нибудь. Ой-е-ей. Шестьдесят я накопила, карманные деньги на следующий месяц родители мне дадут, может, и на два месяца вперед раскошелятся. Но этого не хватает, а больше сорока марок они мне точно не дадут. Сестра, как только услышала, что я собираюсь куда-то ехать, тут же пасть раскрыла и заявила, что тоже хочет. Больше ста марок пока не хватает!

Остальные Куры смотрели друг на друга в замешательстве. Когда накануне Вильма взломала кассу банды, там обнаружилось одиннадцать марок и тридцать три пфеннига.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – сказала Вильма, но голос у нее звучал не очень убедительно.

– Будем надеяться. Мои родители ничего против конного двора не имеют. – Фрида прислонилась к нагретой солнцем стене школы. – Видели бы вы лицо Титуса, когда он услышал, что я уеду. Мне показалось, что он упадет со стула замертво. Вот пусть-ка он теперь отсиживает задницу на детской площадке.

– Моя мама пришла в полный восторг, – рассказывала Труда. – Мне кажется, она рада сбавить меня куда-нибудь ненадолго. А деньги за меня крестная заплатит.

– Эх, мне бы такую крестную, – проговорила Мелани. Несчастнее ее, казалось, на свете не было. – А как твой двоюродный брат, Труда? Он на эти осенние каникулы приехать не собирается?

Труда сняла очки и протерла их. Вот уже одиннадцать месяцев она регулярно писала своему кузену Паоло, а он отвечал. Слал ей марципановые сердечки в память о днях, проведенных вместе прошлой осенью.

– Собирается, – ответила она и неторопливо водрузила очки на нос, – но я ему написала, что меня, возможно, не будет. Предложила приехать на вторую половину каникул.

– Так-так, любовь подостыла, я вижу, – сказала Шпрота.

– Он мне пишет километровые письма про футбольные чемпионаты или про отличные оценки, которые он в школе получает! – оправдывалась Труда. – Нам даже фильмы разные нравятся.

Вильма пожала плечами.

– Ну да, ну да, если честно, он мне никогда особенно классным не казался, – сказала она.

– Тебе ни один парень на свете классным не кажется, – заметила Мелани. – А ты? Мама тебя отпустит или заставит на каникулах учиться, чтобы ты наконец исправила свою единицу на единицу с плюсом?

– Обалдеть как остроумно! – набросилась на нее Вильма. – Да, меня отпускают без проблем. Все проблемы у нас с тобой!

– Прекрати, Вильма! – рассердилась Фрида. – Это подло.

Мелани закусила губу, и все видели, что она изо всех сил старается сдержать слезы.

– Да и наплевать, – сказала она сдавленным голосом. – Вилли точно будет не в восторге, если на каникулы я уеду.

– Не в восторге точно, – произнес чей-то голос, и между недавно посаженными кустами, призванными украсить голый рекреационный двор школы, показалась долговязая фигура, которую девочки, к сожалению, знали слишком хорошо.

– Эй, Фред! Все сюда, – заорал Тортик на весь двор и так оглушительно засвистел в два пальца, что Труда зажала уши руками. – Последнюю новость знаете? Наши Куры собрались в полет!

Остальные трое Пигмеев стояли на некотором отдалении и о чем-то горячо спорили с двумя парнями из параллельного класса. Услышав вопль Тортика, они оставили их и медленной походкой направились прямо к Курам.

– О нет! – прошептала Мелани. – Только не говорите, что я тоже поеду. Вилли психанет, если услышит это не от меня.

– В смысле? Вы ведь не муж и жена! – подколола ее Шпрота.

– Ты в этом вообще ни бум-бум! – заявила Мелани и стала нервно покусывать растрепавшуюся прядку.

Куры наблюдали, как Тортик подошел к остальным и о чем-то им сообщил.

– А не лучше, если мы просто смоемся? – спросила Труда.

– Чтобы на следующем уроке они закидали нас записочками? Нет уж, спасибо! – Шпрота сделала скучающее лицо, когда Фред ей подмигнул.

– Я вас предупреждала, что в этом месте мы от Пигмеев не застрахованы! – проворчала Вильма. – Но вас всех влекло непременно на солнышко!

И вот они уже стояли перед ними: Фред, Вилли, Стив и Тортик. Пигмеи. Кольцо в ухе и наглая ухмылка на лице. То дружат с Дикими Курами, то враждуют. Но в данный момент они немного мешали.

– Можете сразу продолжать движение, – приветствовала их Шпрота. – Нам срочно надо кое-что обсудить.

– Ты хочешь на каникулы уехать? – спросил Вилли у Мелани, не обращая на Шпроту никакого внимания. – Почему ты мне ничего не сказала?

– Потому что из этого в любом случае ничего не получится, – отвечала Мелани, не глядя на Вилли. – Причина простая: это слишком дорого.

– Что слишком дорого? – Фред бросил на Шпроту вопросительный взгляд.

– Шпрота на каникулах едет на конный двор, – ответила Фрида за Шпроту. – Она не в восторге от этой перспективы, поэтому мы хотим поехать вместе с ней. Вот и все. Вам это совершенно не интересно. Можете гулять дальше. Всего доброго! – Фрида в прощальном жесте подняла руку, мило улыбнулась – и помахала.

Но Пигмеи с места не сдвинулись.

– На конный двор? И ты не в восторге от этой перспективы? – Фред так бесстыдно ухмыльнулся, что Шпрота готова была ударить его между глаз. – Что ты вообще за девчонка такая? Лошади – это самое потрясающее, что есть на свете. Я думал, что все девчонки без ума от лошадей.

– Когда ты пытаешься думать, из этого, как правило, ничего не получается, – ответила Шпрота.

Вилли смотрел на Мелани так, будто секунду назад узнал, что она изменила ему как минимум с тремя парнями одновременно.

– Что ты так на меня уставился? – обиженно упрекнула она его. – Ты же слышал, мне в любом случае ничего не светит. – Она вытащила из кармана джинсов грязный носовой платок. – Остальные будут дивно проводить время, а мне придется все каникулы собачиться со старшей сестрой. У тебя дома меня тоже привечать не собираются, так?

Вилли молчал, не отрывая взгляда от носков собственных ботинок. Все были знакомы с отцом Вилли и знали про синяки и ссадины, которыми отец его усердно награждал. Шпроте

и Фреду от него уже тоже досталось. Нет, у Вилли дома Мелани на каникулах от сестры спрятаться не получится.

– Да уж, никакое жилье мы тебе сейчас выделить не можем, – сказал Фред. – У нас опять все до последней досочки сгорело.

– Да ладно, о чем ты, – пробормотала Мелани и всхлипнула в платок. – Знаю.

– Денежный вопрос не берите в голову, мы уж как-нибудь сами, – сказала Шпрота. – Не стоит напрягаться. Но вы можете помочь в другом. Кому-то придется кормить кур, пока нас нет.

Фред снова улыбнулся.

– Без проблем, – сказал он. – Так и быть, мы бедных пернатых с голоду помирять не оставим.

– Подтверждаю, – подпел Тортик, – но тогда нам нужен ключик от фургона. Чтобы после кормления кур мы могли обогреться.

Дикие Куры обеспокоенно переглянулись.

– Так и знали, – проворчала Вильма. – Просишь вас оказать маленькую дружескую услугу, а вы сразу вымогательством начинаете заниматься.

– Не волнуйтесь, плакаты Мелани мы со стен сдирать не собираемся и в умывальник мочиться не будем, – сказал Стив. – Священное честное пигмейское слово.

Шпрота смерила его ледяным взглядом.

– Ладно, – сказала она. – Ключ вы получите, но, если в фургоне обнаружится хоть царапинка, когда мы вернемся, вашему домику на дереве несдобровать.

4

Шпрота едва покончила с домашкой и примеряла бриджи для верховой езды, которые мама купила ей в секонд-хенде, когда позвонила Мелани.

– Я не соберу столько! – сказала она подавленным голосом.

Шпрота не удивилась бы, если бы из телефонной трубки закапали слезы.

– Родители дадут мне карманные деньги только на один месяц, потому что сестра опять устроила театр одного актера, а до отъезда смогу самое большее два или три раза поработать бебиситтером³. Мне просто столько не собрать!

Шпрота посмотрела на стенку рядом с телефоном. Рядом с расписанием уроков мама прикрепила кнопками открытку с изображением исландской лошади.

– Скажи остальным, ладно? – всхлипнула Мелани. – Завтра я в школу не приду, все равно это последний учебный день... Когда вы едете? В воскресенье или в понедельник?

– В понедельник, – ответила Шпрота и провела пальцем по открытке. – Мелли, послушай, может, мне еще что-то в голову придет. Все же немного времени у нас еще есть...

– Ой, забудь, – сказала Мелани. – Желаю вам приятной поездки. И с лошади там не упадите, ладно?

– Нет, Мелли, постой! – крикнула Шпрота, но та уже положила трубку.

– Кто это был? – спросила мама из спальни. С обеда она начала укладывать чемоданы, маленький и большой, кидала в них вещи, снова доставала, и настроение у нее было неприлично хорошее.

– Ну что, ждешь не дожدهшься, когда хоть на время избавишься от меня? – сказала Шпрота и прислонилась к дверному косяку.

– Ой, не начинай! – ответила мать и бросила в большой чемодан нелепое зеленое платье, которое Шпрота никогда раньше не видела. – Кто это там был?

– Мелли. – Шпрота провела пальцем по краю дверного проема. – Она с нами не едет. Денег у нее не хватает.

Мама подняла голову:

– Так. А остальные?

Шпрота пожала плечами:

– Едут вроде.

– Проклятье, – пробормотала мама, потом подняла две ночные рубашки. – Какую взять? Белую или в цветочек?

³ Бебиситтер – человек, временно присматривающий за детьми, пока родителей нет дома.

– Ни ту ни другую, – ответила Шпрота и пошла к себе в комнату. Кстати, и ей пора было уже собрать вещи с собой. Но в какой-то момент она поняла, что уже давно лежит на кровати и смотрит в потолок. Ни о чем, кроме Мелани, она не могла думать.

Посреди ночи она вдруг придумала решение – после того как несколько часов пролежала без сна, ворочаясь с боку на бок. Дрожа от холода, она встала с постели, пробралась по коридору к комнате матери и прислушалась. Она услышала храп Зануды. Как мама могла спать в таком шуме? Шпрота тихо отворила дверь.

– Мам? – Она встала у постели на коленки и провела маме пальцем по носу. Это был надежный способ ее разбудить.

Мама потеряла нос и открыла заспанные глаза. Увидев Шпроту, она вдруг вскочила, так что Зануда сердито забормотал и перекатился на другую сторону кровати.

– Что случилось? – испуганно спросила мама.

– Мне надо кое-что с тобой обсудить, – прошептала Шпрота в ответ.

Мама посмотрела на будильник и застонала. Потом спустила ноги с кровати, накинула халат и, спотыкаясь, побрела в гостиную.

– Надеюсь, у тебя веские причины, чтобы извлечь меня из роскошной теплой постельки! – пробормотала она, зябко вжимаясь в единственное кресло.

Шпрота включила отопление посильнее.

– У меня же есть сберегательная книжка от бабушки, – сказала она. – Ты же знаешь, она называет ее моим приданым и, мне кажется, каждый месяц что-то кладет на счет, так?

Мама потеряла слипающиеся глаза и кивнула:

– Да. Деньги ты получишь на свое восемнадцатилетие. И ни днем раньше. Для нее это особенно важно.

– Знаю. – Шпрота нетерпеливо кивнула. – Но в чрезвычайной ситуации ты ведь можешь снять часть денег, я правильно понимаю? – Она умоляюще смотрела на маму. – Мелли недостаёт сто двадцать марок, мам. На сберкнижке накоплено уже столько, что бабушка вообще не заметит, если мы что-то снимем. А Мелли все максимально быстро вернет.

Мама потерла лоб.

– Твоя бабушка четвертует меня, если узнает, – сказала она. – Деньги предназначены на твое образование.

– Всего сто двадцать марок, мама! – Шпрота смотрела на маму с мольбой. – Мы не можем все вот так поехать, когда Мелли останется здесь! Если она не поедет, тогда, тогда... – Шпрота выпрямилась. – Тогда я тоже остаюсь.

Мама вздохнула, закрыла глаза и откинулась на спинку кресла.

– Это форменное вымогательство, – пробормотала она. – Мелли никогда не вернет тебе деньги. Она все тратит на помаду и крем от прыщей.

– Глупости, она в двух местах бебиситтером подрабатывает. Просто до каникул она заработать столько не успеет! Ну пожалуйста. Снимешь деньги?

Несколько мгновений, которые тянулись бесконечно долго, мама молчала. В задумчивости терла кофейное пятно на ночной рубашке.

– Мне казалось, ты Мелли недолюбливаешь.

– Да ладно, нормальная она. – Шпрота ушла от прямого ответа. – А кроме того, она Дикая Курица.

– Точно. Как я об этом забыла? – Мама потянулась и зевнула. – Ну хорошо, сниму, – сказала она и встала с кресла. – Но если бабушка меня за это расстреляет, виновата будешь ты.

5

Мелани, узнав, что она тоже едет, бросилась Шпроте на шею. Пять раз подряд она дала священное честное куриное слово, что вернет деньги самое позднее ближайшей весной (что у нее не вполне получится). А в день отъезда она принесла Шпроте небольшой пирог, на котором красовались пять марципановых курочек.

– Сама испекла, – сказала она, загружая огромную сумку в багажник такси. – Для тебя лично, но ты ведь нас всех угостишь, да?

Мама Шпроты с ужасом поняла, что все пятеро девочек к ней в такси не поместятся, но мама Вильмы предложила помощь и тоже поехала. Мама Шпроты сочла, что это идея прекрасная, а Вильма – что ужасная. И только великодушное согласие Фриды поехать в машине мамы Вильмы немного ее утешило.

Итак, в первый день каникул они на двух машинах отправились в путь. Радость Шпроты по поводу первых общих куриных каникул без родителей и учителей была омрачена тем фактом, что Зануда тоже поехал с ними. Разумеется, он сел на переднее сиденье рядом с мамой, но всякий раз, когда он клал ей руку на бедро, Шпрота больно пихала его коленкой в спину.

Поездка была сплошной катастрофой. Они стартовали слишком поздно, еще не выехав из города, угодили в пробку, а потом примерно раз десять сворачивали не туда. В какой-то момент Зануда стал настаивать на том, чтобы они остановились поесть в кафе у дороги, а после еды Трудю стало так укачивать, что маме Шпроты все время приходилось сбавлять скорость. Уже смеркалось, когда они наконец добрались до указателя: «Исландский двор Моны, 3 км». На табличке была изображена лошадь, которая копытом указывала на узкую аллею в обрамлении лип.

– Ничего себе, похоже, тут вообще ничего нет! – прошептала Мелани. – Даже пойти выпить колы некуда.

Но вскоре в конце аллеи вырос огромный старинный дом из красного кирпича, со стенами, поросшими плющом и диким виноградом. Дорога прямо тут и заканчивалась, упираясь в просторный, посыпанный песком двор. Справа от дома стояла огромная конюшня, деревянные двери покрашены в красный цвет. Все казалось безлюдным и заброшенным: двор, конюшня, дом. Только несколько освещенных окон да поднимающийся из трубы дым говорили о том, что в доме кто-то есть.

С затекшими ногами они выбрались из машины. Мама Вильмы припарковалась сзади них.

– Где же лошади? – спросила Вильма и разочарованно огляделась. В сгущающихся сумерках на окружающих выгонах не видно было ни одной лошадки.

Мама Вильмы только пожала плечами и, подняв брови, стала осматривать дом и конюшню.

– Выглядит несколько запущенно, – констатировала она. – Надеюсь, внутри все более ухоженно.

– Что ж, а мне кажется, тут красиво, – сказала Фрида. – Так как-то романтично.

– Романтично. Ну да, если считать, что облупившаяся краска – это романтично! – Мама Вильмы скривила губы в усмешке.

– Да вот же они! – воскликнула Вильма и помчалась к забору, отделявшему выгон от двора. – Там, под деревьями. Видите?

Труда и Фрида побежали за ней, Мелани и Шпрота нехотя направились следом без особого воодушевления. Три лошадки, заметив девочек, подняли головы и засеменили к ограде.

Мелани остановилась.

– А лошади вообще могут укусить?

– Бывает иногда, – ответила Вильма и перегнулась через низкую ограду. Одна лошадка вытянула шею и стала с любопытством обнюхивать ее холодные пальцы.

– Бывает, говоришь? – Мелани отступила на шаг назад.

– Да ты что? – сказала Фрида и подтолкнула ее обратно. – Просто дай им принюхаться к тебе. Прихватить тебя они могут только, если у тебя в кармане что-нибудь хрустящее. Да и в этом случае они только куртку теребят.

Мелани кивнула. И засунула руки поглубже в карманы.

– Ладно, они не такие уж и большие, – с облегчением сказала она.

Шпрота считала, что они достаточно большие. Как раз впору. И такие красивые. Густая длинная грива окутывала шею и свешивалась на глаза. Две лошадки, подбежавшие к ограде, были темно-коричневыми, но самой красивой Шпрота считала третью, которая нетерпеливо старалась протиснуться между первыми двумя. Шерсть у нее отливала рыжим, как у лисы, но грива и хвост были черными, как сажа. Она с любопытством высунула большую голову над оградой, обнюхивала чужие руки, пугливо отскакивала назад – и снова подходила. Не успев осознать, что делает, Шпрота погладила ее бархатную морду. Теплое дыхание согрело руку, темные глаза смотрели на нее так спокойно, так свободно.

– Ну что, нравятся они тебе? – Мама Шпроты положила руку ей на плечо. Зануда стоял рядом. Шпрота тут же спрятала странное чувство счастья под гримасой равнодушия.

– Госпожа Слетберг?

Это была мама Вильмы. Она так и стояла рядом с машинами.

– Кажется, нас наконец заметили.

– Мне будет за нее стыдно, – проговорила Вильма. – Точно знаю.

Входная дверь распахнулась, широкая полоса света упала на двор, и к ним быстрым шагом выбежала женщина. Она была чуть выше мамы Шпроты, волосы у нее были темные, уже с проседью, на ней были рейтузы и сапоги, которые мать Вильмы точно не сочла бы ухоженными.

– Вот наконец и вы! – воскликнула она. – Мы вас с обеда поджидаем. Остальные дети как раз ужинают, так что приветствующая делегация – это я. Не считая лошадей, а они в любом случае – самое главное, верно?

Она пожала каждому руку, всем девочкам, всем взрослым. Обняла маму Шпроты.

– Давно не виделись, – сказала она ей. – Которая из пяти твоя дочь?

Она оглядела девочек, и Шпрота подняла руку.

– Я, – сказала она. – Привет!

– Шарлотта, если я не ошибаюсь?

Шарлотта кивнула и указала на остальных:

– Тут все мои подруги. Мелани, Фрида, Вильма и Труда.

Мамина подруга кивнула:

– Меня зовут Мона. Тут меня все так называют. Бешеная Мона, тупая Мона, всякое бывает. Но всегда только Мона. Моей дочери Бесс примерно сколько вам. Она вам потом все покажет.

– Я тоже хотела бы все подробно осмотреть, – сказала мать Вильмы. – Прежде всего комнату, где будут жить девочки, а также кухню, ванную и столовую.

Вильма побледнела и закусила губу.

Мона только кивнула:

– Разумеется. Вы торопитесь? А то я предлагаю, чтобы сначала мы все вместе выпили кофе.

Шпрота посмотрела на мать. Спешила ли она куда-то?

Нет, никто не спешил. Даже Зануда. Хотя к его ботинкам уже прилип навоз.

Пока взрослые пили кофе в кабинете у Моны, ее дочь Бесс отправили показывать Курам их комнату.

– Вы этих гномиков видели? – прошептала Мелани, пока они ждали Бесс возле столовой. – Два стола сплошных пигалиц. Мы здесь точно самые старшие.

– Надеюсь, эта мелюзга не будет действовать нам на нервы, – проворчала Вильма, а сама с тревогой наблюдала за матерью, которая уже была в кабинете у Моны.

– Да пусть. Насчет понервировать кого мы сами хоть куда, – сказала Шпрота и осмотрелась в просторном холле. На деревянном полу лежали пестрые ковры, у стола стоял старый бордовый диван, а на столе громоздились номера журналов про лошадей. Стены были сплошь увешаны фотками и рисунками, которые, возможно, нарисовали ученики Моны. Там были изображены лошади – коричневые, белые, серые, черные, и почти на каждой картинке – солнце с широкой улыбкой и не менее улыбчивый человечек. На внушительных размеров вешалке висели куртки и дождевики. Внизу под ними стояли резиновые сапоги и ботинки, покрытые грязью.

Шпроте нравилось все, что она видела. Нравилось, хотя было совершенно непривычно. Маме об этом она, конечно, не скажет. Пусть спокойно отправляется на Балтийское море с нечистой совестью.

Дочь Моны, Бесс, была одного роста с Фридой, волосы у нее были темные, как у матери, но в остальном она не очень на нее походила.

– Вы что, заблудились? – спросила она, поднимаясь вместе с Курами по широкой деревянной лестнице со стертymi ступенями на второй этаж.

– Похоже на то! – ответила Мелани. – Скажи, а здесь поблизости есть еще что-нибудь, кроме этого двора?

Бесс оглянулась и насмешливо посмотрела на Мелани:

– До ближайшей деревни на машине десять минут. На лошади примерно час. Но нельзя сказать, что там офигенно. В Дагельсбюттеле можешь в кондитерской за столиком выпить кофе. Больше ничего захватывающего.

– Дагельсбюттель. Ага. – Мелани вздохнула и потащила сумку дальше вверх по скрипучим ступеням. – Звучит так, будто туда даже за смертью не посылают.

Бесс пожала плечами:

– А у вас в городе все более захватывающе?

– Захватывающе? Я бы не сказала, – вмешалась Шпрота. – Здесь намного круче.

Бесс улыбнулась, преодолевая последние ступени.

– Мы почти на месте, – сказала она. – Вы единственные, кто будет жить наверху, на третьем этаже. Малышам под самой крышей жутко становится. Во-первых, ветер свистит в трубах, во-вторых, иногда сони по крыше барабанят.

– Сони? – Труде сделалось неудобно. – Это что?

– Маленькие симпатичные зверьки, – сказала Фрида. – Только дерево грызут, людей не трогают.

– Утешила, – пробормотала Труда и прислушалась, но, кроме ветра, гуляющего по крыше, ничего не услышала. Бесс повела их по узкому коридору, где по стенам висели фотки лошадей. Сверху донизу и слева направо. Три десятка точно. К деревянным рамам были приклеены маленькие таблички с именами. Фрида то и дело останавливалась, чтобы прочитать: Флейгур, Фафнир, Липурта...

– Очень странные имена, – сказала она.

– Исландские, – пояснила Бесс и толкнула рукой дверь: – Вот ваша комната. От малышей нереально далеко. Мы подумали, что вас это точно устроит.

– А остальные дети тут какого возраста? – спросила Шпрота, пробираясь со своей сумкой мимо Бесс.

– Восемь-девять лет, где-то так, – ответила Бесс. – Милые, но довольно громкие. Большинство здесь еще с пятницы, и, к счастью, случаев фатальной тоски по дому пока не было. Что еще вам надо знать? Ванная комната вон там, в конце коридора. Завтрак в половине девятого, обед в час. Мама очень терпимая – кроме тех случаев, когда мешают ее послеобеденному отдыху или когда в полночь ей приходится бегать по дому и орать на тех, кто до сих пор прыгает по кроватям. Тогда ей лучше под горячую руку не попадаться.

Комната, которую Мона отвела Диким Курам, была просторной, но Шпроте приходилось следить за тем, чтобы не удариться головой о балки под потолком. Здесь портретов лошадей не было. На стенах красовались обои с большими карминно-красными розами. На полу были расстелены тканые дорожки, а вдоль стен стояло пять кроватей.

– Можно будет их переставить? – спросила Вильма.

– Без проблем. – Бесс кивнула и поставила на пол вторую сумку Мелани, которую она ей помогала нести вверх по лестнице. – Надеюсь, эти обои у вас ночных кошмаров не вызовут. Зимой мы эту комнату собираемся перекрасить, но пока, – Бесс с сожалением пожала плечами, – она выглядит как выглядит.

– Тут классно, – воскликнула Фрида и упала на ближайшую кровать. У каждой кровати стояла тумбочка, а на ней лампа. Возле двери стоял большой деревянный шкаф, дверцы были обклеены картинками: лошади, кошки, собаки, общее фото футбольной команды. Кто-то даже нацарапал свое имя.

– Выездка у нас, как правило, после завтрака, – пояснила Бесс. – Если мама ведет уроки верховой езды, конные прогулки сопровождаю я. После обеда до трех тихий час, потом можно снова кататься верхом, если кто хочет. После того как лошади накормлены, все еще примерно час помогают в конюшне, на пастбище или по дому. Ужин в семь. В девять отбой, но мама считает, что вам можно до десяти. Только младшим ничего не говорите, а то тут же начнется буча.

Куры закивали. Фрида и Вильма уже начали распаковывать вещи. Мелани озабоченно переводила взгляд со своих чемодана и сумки на единственный шкаф.

– Ну тогда... – Бесс развернулась, но задержалась в дверях. – Краем уха слышала, что вы вроде как одна... банда?

– Вроде того. – Вильма раскинула руки. – Ты видишь перед собой знаменитых Диких Кур с их скандальной репутацией!

– Вильма! Умоляю! – Фрида застонала и спрятала лицо в подушках.

– Дикие Куры? – Бесс заулыбалась. – Звучит неслабо. И что вы делаете такого, я имею в виду – целой бандой?

– Ну как... – Труда пожала плечами и посмотрела на остальных. – Чай пьем, болтаем...

– Парней дразним, – добавила Вильма.

– Мама Шпроты говорила, что у тебя есть брат, – сказала Мелани.

Она изо всех сил старалась, чтобы голос звучал как можно равнодушнее. Шпрота вздохнула. Кто бы сомневался. Такие вопросы только Мелани способна задавать...

Но Бесс вопрос странным не показался.

– Да, Майк, он на два года меня старше. В основном он абсолютно норм.

Шпрота ждала, когда Мелани задаст свой коронный вопрос про то, как брат Бесс выглядит, но, к счастью, она промолчала.

– Сколько у вас всего лошадей? – спросила Фрида. У нее на ночном столике уже лежал сценарий «Ромео и Джульетты» и стояло фото младшего братишки.

– Восемнадцать, – ответила Бесс и вышла в коридор. – Мне надо вниз, иначе мелкие начнут танцевать на столах.

Дикие Куры слушали, как удаляются ее шаги по скрипучим доскам.

– Уютно, да? – сказала Фрида и огляделась в своем новом царстве.

– Гораздо уютнее комнаты, в которой мы жили во время последней поездки с классом, – выразила свое мнение Труда.

– И никаких тебе Пигмеев в соседней комнате, – подтвердила Вильма, хотя прозвучало это с некоторой долей сожаления.

Они сдвинули кровати в один ряд, а тумбочки поставили у каждой в головах. Потом нашли розетку и включили кассетник, который прихватила с собой Мелани, а на окно поставили подсвечник, привезенный Фридой. Шпрота положила под подушку карманный фонарик и матерчатую курицу, с которой до сих пор ночью не расставалась. Мелани и Вильма делили место в шкафу, Труда пыталась поставить будильник на восемь, а Фрида открыла узкое слуховое окно, чтобы впустить свежий вечерний воздух, когда дверь снова распахнулась.

– Наконец-то... Я думала, мы никогда до вас не доберемся, – произнесла мама Вильмы. Сдвинув брови, она вошла в комнату, огляделась без особого восторга от увиденного и отошла в сторону, чтобы пропустить маму Шпроты. Последней появилась Мона. Зануды не было. «Наверняка уже в машине сидит, – подумала Шпрота, – и ждет не дождется, когда они с мамой отсюда улизнут».

– Ой, вижу, вы уже тут устроились с комфортом, – сказала Мона.

– Тут все как-то... довольно скромно, – констатировала мама Вильмы. Она подошла к подоконнику, отогнала в сторону Фриду и провела пальцем по оконной раме.

Вильма не знала, куда глаза девать. Лицо у нее сделалось пунцовым, она лихорадочно теребила край джемпера. Труда и Фрида подсели к ней, одна слева, другая справа. Вильма посмотрела на обеих с благодарностью.

– Вы платите пятьдесят марок в день, – сказала Мона, обращаясь к матери Вильмы. – Сюда входит еда, жилье и верховая езда. И стоит это так дешево только потому, что мы с матерью Шарлотты восемь лет сидели в одном классе рядом. Если бы такая цена стала основной, я бы разорилась.

Мона по-прежнему говорила с приветливым выражением, что сильно удивляло Шпроту. Вероятно, это качество люди приобретают, взрослея, – умение скрывать свои чувства, прятать их глубоко под личиной внешней приветливости. Наверняка это очень практично.

– Вильма? – Мама Вильмы изо всех сил делала вид, что ничего не слышала из того, что говорила ей Мона. – Для тебя приемлемы условия, в которых ты здесь проведешь неделю?

Вильма еще ближе придвинулась к Фриде.

– Это потрясающе, – сказала она тонким голоском. – Гораздо лучше, чем дома, мама.

Ее мама скривила губы в невеселой улыбке:

– Что ж, тогда мне волноваться нечего!

Она бросила последний презрительный взгляд на обои с красными розами и, пройдя мимо Моны и мамы Шпроты, направилась к двери.

– Тогда я хотела бы ознакомиться с ванными комнатами и кухней, – сказала она Моне.

– Без проблем. – Мона улыбнулась девочкам и последовала за ней. – Ты тоже хочешь еще что-нибудь посмотреть? – спросила она у мамы Шпроты.

Та помотала головой и улыбнулась в ответ:

– Нет, мы уже уезжаем. Иди.

– Осторожно, не ударьтесь головой! – услышали они голос Моны. Труда захихикала.

– Вам здесь нравится? – Мама Шпроты вопросительно смотрела на девочек. Шпрота молчала. «Пусть уедет с чувством вины, – думала она. – Да-да, не иначе». Но Мелани толкнула ее в бок:

– Давай же, скажи, что все классно.

– Пойдет, – пробурчала Шпрота.

– Ты еще спустишься? – спросила мама.

– Да-да, спустится, – сказала Мелани, сталкивая Шпроту с кровати. – Давай, иди.

– Спроси там, на кухне, не дадут ли нам чайник чаю! – крикнула ей вслед Фрида.

– Или глинтвейна, – добавила Мелани, поймав панический взгляд Вильмы.

– Мона милая, да? – спросила мама, когда Шпрота следом за ней спускалась по лестнице.

– М-м, – промычала Шпрота.

– Я дам тебе номер нашего пансионата, – сказала мама. – И буду звонить тебе. Каждый вечер. Окей?

– Зачем каждый вечер звонить? – проворчала Шпрота. – Я уже не ребенок.

Мама не ответила. Они молча прошли через холл в большую переднюю, мимо засушенных букетов и фотографий детей на лошадях. Мама зашла было в кабинет к Моне попрощаться, но та еще бродила где-то с матерью Вильмы. Мама Шпроты не сразу ее нашла. Шпрота ждала возле столовой, дверь была приоткрыта, и она наблюдала, как Бесс пыталась остановить девочку, которая кидалась макарон – нами.

– Мать Вильмы всегда такая? – спросила ее мама, когда наконец вернулась.

– Обычно она еще хуже, – ответила Шпрота и пошла за мамой на улицу. Была абсолютная тьма, еще никогда Шпрота не видела такую черную ночь. Светилось только мамино такси, и Зануда действительно сидел внутри.

– Ну наконец-то! – воскликнул он и распахнул дверцу машины.

Шпрота остановилась.

– Счастливо оставаться! – сказала мама и сжала ее в объятиях так, что Шпроте нечем стало дышать.

– И тебе счастливо, – пробурчала Шпрота, хотя она так не думала.

– Ты до сих пор дуешься, – тихо сказала мама. – В следующий раз поедем с тобой вдвоем, только мы, и все. Ладно?

Шпрота кивнула.

– А когда вы вернетесь, – забормотала она, – он поселится у нас?

– Ни за что.

– Может, мы здесь и заночуем? – крикнул Зануда из машины.

– Садись в машину, – сказала Шпрота и подтолкнула мать к дверце. – И прихвати ему прищепку для носа. Бедняга так храпит, что страшно становится.

Мама еще раз ее обняла, вытерла глаза и залезла в машину. Шпрота стояла среди темного двора и смотрела вслед машине, пока задние огни не исчезли во тьме.

Стало зябко, и она подняла воротник. Вечера становились все свежее. Где-то в темных верхушках деревьев кричала птица, было слышно, как на выгоне фыркают лошади. Под кроссовками закрипел песок, когда она подошла к ограде и начала взбираться по решетке.

Где-то она прочитала, что лошади спят стоя, но каждый раз всего по несколько минут. Потом снова просыпаются. Одна из лошадей, у которой грива поблескивала в темноте, посмотрела на Шпроту. Некоторое время она стояла, смотрела на нее и не двигалась. Затем медленно

стала подходить, как будто ей было трудно поднимать тяжелые копыта над сырой травой. Она фыркала и трясла гривой. Шерсть у нее была коричневая, а грива светлая, почти как луна, тонкий серп которой уже показался над ближним лесом. Шпрота протянула руку, и лошадь начала принюхиваться к ее пальцам. Шпрота осторожно почесала ей морду и погладила мягкие ноздри.

– Как тебя зовут? – прошептала она. Лошадь насторожила уши – даже на ушах у нее рос серый мех.

Внезапно Шпрота услышала шаги за спиной. Она испугалась так, что почти кубарем скатилась с решетки. Кто-то вышел из конюшни. Какой-то парень – наверняка сын Моны, Майк. Видимо, он услышал Шпроту, потому что навел луч фонарика прямо на нее. Смутившись, она вглядывалась в слепящий свет.

– Привет, – сказал он. – Ты одна из тех, кто сегодня приехал?

Шпрота кивнула и поспешно спрыгнула с решетки. Он был выше нее, совсем чуть-чуть.

– Вас пятеро, да? – спросил он.

– Да, – ответила она, не понимая, почему у нее вдруг быстрее забилось сердце. – Как... – Она махнула рукой за спину. – Как зовут ту лошадь?

Майк перегнулся через решетку и погладил гриву лошади.

– Эту? Кольфинна.

– Кольфинна. Тоже исландское имя? – спросила Шпрота. – Как все те, которые там на фотках? Эти имена звучат так... странно.

Майк засмеялся:

– Для исландских лошадок они звучат как раз как надо. А тебя как зовут?

– Шарлотта. – Зачем она это сказала? Она свое имя не любила.

– Твое имя тоже может кому-то показаться странным. – Майк ухмыльнулся, поискал в кармане куртки и дал Кольфинне кусочек хлеба. – Я ничего особенного не имел в виду. Как зовут твоих друзей?

– Мелани, Фрида, Вильма и Труда, – ответила Шпрота.

– Труда! – Майк рассмеялся. – Вот уж действительно странно, не находишь? Ладно, мне пора в дом. Вы спите там, под крышей? Если сони сегодня ночью начнут сводить вас с ума – просто постучите по стенам. Это, как правило, помогает.

Он побежал к дому. Шпрота смотрела ему вслед. «Он наверняка принял меня за полную идиотку, – подумала она. – Абсолютную, неизлечимую, беспробудную идиотку».

В дверях Майк столкнулся с Фридой. Они встали в проеме освещенной двери, и Фрида засмеялась. Потом Майк показал в направлении Шпроты. И Фрида прямо в темноте подошла к ней.

– Куда ты подевалась? – воскликнула Фрида. – Мы уже искали тебя везде: на кухне, в столовой, даже в бюро у Моны – всюду спрашивали.

– С чего это вдруг? – Шпрота была рада, что в темноте ее лицо никто не видит. Надо надеяться, Фрида ничего не заметит. Не заметит бьющееся сердце Шпроты, не заметит, что на душе у нее, черт побери, все так, как никогда в жизни не бывало. Бабочки в животе. Ватные коленки. – Я... я возле лошадей немножко постояла, – пробормотала она. – Что-то случилось?

– Нет! Нет, конечно. Но что-то все-таки с тобой не так!

Фрида с тревогой смотрела на нее. Никто не знал Шпроту лучше, чем Фрида. Никто. Даже мама.

– Ты из-за мамы? – спросила Фрида. – Что она с этим инструктором по вождению уехала, а не с тобой? Брось ты, шесть дней, всего ничего. И потом, у тебя есть мы. Здесь же круто, не находишь? – Фрида взяла Шпроту под ручку и потянула обратно к ограде, где по-прежнему стояла Кольфинна, возможно в ожидании следующего кусочка хлеба. – Как ее зовут, интересно? – Фрида погладила лошадку по густой гриве.

– Кольфинна, – сказала Шпрота.

– Откуда ты знаешь? – Фрида с удивлением на нее посмотрела. – Или сама только что придумала?

Шпрота покачала головой:

– Бред, такое имечко нарочно не придумаешь. Я подслушала его.

Кольфинна развернулась и побежала обратно на выгон. Шпрота обнаружила в темноте еще восемь лошадей.

– Подслушала, значит, ну ясно. – Фрида скрестила руки на груди, прислонилась к решетке и закрыла глаза. – М-м, какой потрясающий воздух, чувствуешь?

Шпрота кивнула – и по-прежнему ждала, когда уляжется буря у нее внутри.

– Пойдем, пора к нашим возвращаться, – сказала Фрида.

И они пошли – получив на кухне от поварихи большой чайник с чаем. Повариху звали Хедвиг – она была столь же толста, как и высока. Хедвиг дала им целую тарелку печенья – в качестве приветствия, по ее словам.

Все было просто волшебю. Гораздо прекраснее, чем Шпрота могла себе представить. Если бы только не эта сумятица в душе... Одно она знала довольно точно. Что возникла она не в связи с матерью.

6

Шпроте очень хорошо спалось в новой постели, где Фрида была слева, а Вильма справа. Когда Шпрота открыла глаза, занимался рассвет, но Фрида уже проснулась. Она сидела на постели и учила роль. Шпрота видела, как шевелятся ее губы.

– Прочь, слезы глупые! Вернитесь снова в источник свой, – услышала Шпрота ее шепот. – Дань скорби – капли ваши. Вы ж их, ошибкой, радости несете...

– Тебе никогда не удастся все это запомнить! – сказала Шпрота. Фрида вздрогнула, будто вдруг перенеслась сюда из какой-то другой реальности.

– Удастся! – тихо ответила она. – Выучу наизусть каждое слово, потом встану на сцене, все будут смотреть только на меня, и – бац! Все слова вдруг исчезнут у меня из памяти? – Она со стоном повалилась на подушку и закрыла лицо раскрытой книгой. – А Нора так комично выглядит в узких штанах, – услышала Шпрота из-под книги. – Тут уж не до романтических отношений.

Романтические отношения. Шпрота сглотнула и вспомнила вчерашний вечер. Да ладно, просто была немного не в себе из-за мамы и ее Зануды. Дело наверняка в этом.

Фрида убрала книгу с лица и села.

– А не пробраться ли нам на кухню и не заварить ли чаю?

Шпрота глянула на будильник Труды – было еще только семь утра.

– Почему нет? – сказала она и зевнула. – Я надеюсь, у Вильмы в сумке еще и печенье есть.

Бесшумно, стараясь никого не разбудить, они оделись и в одних носках побежали вниз по лестнице. В доме стояла полная тишина – только из одной комнаты доносились смешки и шум, будто кто-то кидал подушку в дверь. А когда они вошли в холл, Шпроте на мгновение показалось, что кто-то смотрит на них сверху из-за перил. Она обернулась, но никого не обнаружила.

Путь на кухню пролегал через столовую. Сквозь готические ромбики окон на синие скалтерти падал утренний свет. Столы были уже накрыты для завтрака. На одном из них стояла соломенная курица.

– Это точно наш стол, – сказала Фрида. – Похоже, твоя мама рассказала про нас Моне массу всего интересного.

Она открыла дверь в кухню и замерла как вкопанная, причем она остановилась так внезапно, что Шпрота едва не налетела на нее. Перед холодильником стоял Майк, в футболке и полосатых кальсонах.

– Доброе утро, – сказал он, проводя рукой по взъерошенным после сна волосам. – Вы природные жаворонки или эти мелкие негодники вас разбудили?

– Мы... – Фрида смущенно посмотрела на Шпроту. – Мы тут чай хотели заварить.

– Чай? В такую рань? Это и пригнало вас сюда сверху?.. – Майк помотал головой. – Что ж, тогда ни в чем себе не отказывайте. – Он взял кружку, над которой поднимался пар, и йогурт, только что извлеченный из холодильника, и пошел к двери. Фрида и Шпрота поспешно отступили в сторону. – Ну, тогда пока, до новых встреч, – сказал он и, как акробат, понес свою дымящуюся кружку между рядами столов.

Шпрота смотрела ему вслед. Пока не заметила, что Фрида делает то же самое.

– Яблочный или шиповниковый? – спросила Фрида, заметив взгляд Шпроты. Словно застигнутая врасплох, она повернулась к двери спиной. – Там только эти два чая. Хедвиг нам еще вчера вечером объяснила.

– Яблочный, – пробормотала Шпрота. Вот снова сердце так же заколотилось. Как бы это прекратить? Может, вдохнуть поглубже? Шпрота шумно задышала.

Фрида поставила чайник на плиту, принесла из шкафчика над мойкой две кружки и опустила в них чайные пакетики.

– Жду с нетерпением, как у вас первый урок верховой езды пройдет, – сказала она. – Мне кажется, Труда до сих пор боится, что ей на лошадь не взобраться.

Она все говорила и говорила. А Фрида много болтала только по одной причине – если была смущена. А она была смущена. Шпрота это чувствовала.

– Думаю, все не так плохо, – сказала она и посмотрела в окно. Бесс и Мона были уже на выгоне. При дневном свете лошади выглядели еще красивее, чем вечером.

– Вот увидишь, ездить верхом – это потрясающе. Тебе точно понравится, – сказала Фрида. Она тоже смотрела Майку вслед...

– Не исключено, – сказала Шпрота. И мысли ее опять улетели.

Они взяли кружки и отправились обратно в свою комнату. По дороге болтали обо всем подряд, только не о бьющемся сердце и не о ватных коленках. Даже лучшие подруги кое о чем не говорят. Из комнат на втором этаже уже доносился неслабый шум, а когда они стали подниматься на третий этаж, по всему коридору зазвенел громкий голос Вильмы:

– Малышня позорная! Безмозглые маленькие мартышки! Всем головы сверну!

– Что происходит? – Труда и Мелани натягивали рейтузы, когда Шпрота и Фрида вошли в комнату. Вильмы там не было.

– Что эта малышня натворила? – спросила Фрида, усаживаясь с кружкой на кровать.

– Они намазали черный обувной крем на стульчак унитаза! – Труда со смехом старалась запахнуть футболку в рейтузы. – Повезло еще, что я не первая пошла в туалет. Прикол, в этих штанах я похожа на колбасу в биоупаковке.

– Она уже пять минут стоит под душем и пытается всю эту гадость с себя смыть, – сказала Мелани, расчесывая щеткой локоны. – Твои рейтузы будут смотреться намного круче моих. Мне их двоюродная сестра дала поносить, а у нее зад как у моржа. – Она с любопытством повернулась к Шпроте и Фриде: – Так, вы брата Бесс уже видели? Как он из себя?

Ни одна из девочек не ответила. Фрида хлебала чай, спрятав лицо за «Ромео и Джульеттой», а Шпрота напряженно всматривалась в пейзаж за окном, как будто деревья и луга были для нее чем-то невиданным.

– Я его вчера вечером видела! – Труда натягивала джемпер. – А что, симпатичный. Так мне кажется.

– Ну да, ну да, ты ведь считаешь, что твой двоюродный брат тоже образец мужской красоты! – прошипела Мелани, подводя брови перед маленьким зеркальцем. – Спасибо, я лучше сама посмотрю и сделаю выводы.

– Мелли, ну прекрати! – Фрида не могла скрыть раздражения. – Я думала, что у тебя есть друг – Вилли! С какой стати ты разузнаешь про внешность других парней?

– Привычка у нее такая, – пояснила Шпрота.

– Вилли тут совершенно ни при чем! – напустилась Мелани на Фриду. – Я, между прочим, с ним вчера вечером созванивалась, тупые гусыни!

– Куры, – поправила Шпрота, наблюдая, как Майк внизу под окном идет по двору и останавливается возле своей мамы. Поспешно, словно он мог ее заметить, Шпрота отступила от окна.

Мелани посмотрела на нее, пораженная, но тут, к счастью, в комнату вошла Вильма.

– Ох, поймаю я их! – закричала она, вся пунцовая от гнева. – Задница от щетки болит уже так, словно я сто часов на лошади сидела.

– Давай гляну, не осталась ли там черная краска? – предложила Мелани.

– Спасибо, дорогая. – Вильма надела сапоги и достала из шкафа безрукавку. – Мне бы только узнать, кто из этих маленьких тварей все это сделал.

– Можешь спросить у Бесс, кто мог такой наглости набраться, – предложила Труда.

Но и Бесс Вильме помочь не смогла.

– Ох, такие штуки регулярно случаются, когда новенькие приезжают, – сказала она, подсев к Курам за завтраком за их стол. За соседним столом сидели трое из возможных преступников. Они сидели, тесно сдвинув головы, и истерически хохотали всякий раз, когда Куры на них оборачивались. Вильма угрюмо посматривала на эту троицу в надежде, что кто-нибудь из них залетится краской стыда, если она посмотрит на них построже. Но, к сожалению, этот метод не срабатывал.

– Прошлый раз, когда приехали новенькие, – шепотом рассказывала Бесс, – парочка маленьких отморозков принесли к ним в комнату миски с теплой водой и опустили туда руки новеньких.

Труда побелела как полотно.

– Не поняла, ну и что? – спросила Вильма.

– Люди тогда мочатся в постель, – пояснила Шпрота. – Ничего себе, невинные детки!

Вильма огляделась, словно вдруг узнала, что за соседним столом сидят людоеды.

– Фантастика! – возмущенно прошептала она. – Мне бы и в голову никогда не пришло так поступить.

– Может, и пришло бы, – зло сказала Мелани и стала разглядывать девочек за двумя соседними столами. – Их семеро, – сосчитала она. – Их однозначно больше. Остается только надеяться, что они не все заодно.

Бесс прихлебывала чай.

– Точно нет, – сказала она, – Вот те четверо сзади нас, – она показала на стол у окна, – все очень воспитанные дети. У нас с ними еще вообще никаких проблем не было. Только Дафна по вечерам начинает тосковать по дому, но, к счастью, утешить ее не сложно. Но вон те трое, – Бесс кивком показала на соседний стол, – они очень наглые. Ничего, кроме глупостей, в голове. К счастью, Верена иногда уговаривает остальных не увлекаться, но Лилли и Роберта здесь уже третий раз, и, боюсь, всех новеньких они воспринимают как непрошенных гостей. Те шуточки с теплой водой как раз они организовали.

Труда с беспокойством оглянулась. Все трое тут же начали покатываться со смеху.

Мелани разглядывала их с холодным презрением.

– Только не говори, что уроки верховой езды у нас вместе с этими маленькими монстрами! – сказала она Бесс.

Бесс пожалала плечами и налила себе еще чаю.

– Все зависит от того, умеете ли вы ездить верхом. Эти монстры уже неплохо сидят в седле.

Задетые за живое, Мелани, Труда и Шпрота начали переглядываться.

– Мы, э-э... – Мелани теребила свои взятые напрокат рейтузы, которые реально были ей велики. – Мы не так уж хорошо ездим верхом, я имею в виду, что...

– Что мы вообще не умеем ездить верхом! – Шпрота завершила фразу за Мелани. Труда вздохнула и смущенно посмотрела на Бесс.

– Вот оно что! – Бесс попыталась скрыть улыбку, но это ей не совсем удалось. – Ну тогда на первый урок верховой езды вы попадаете к моей маме. А Верена, Роберта и прочая мелюзга занимаются со мной.

– А твой брат? – спросила Фрида и тут же прикусила язык и сжала губы, словно хотела проглотить свой собственный вопрос.

– Майк? Понятия не имею. У него по утрам полно работы на выгоне и в конюшне. А когда он заканчивает работу, то в основном скачет в Дагельсбюттель и встречается там с друзьями.

– Бесс! – Одна из девочек с соседнего столика неожиданно выросла рядом с Бесс. – Можно мы посмотрим, как эти вот... – Она пососала мармеладину за щекой. – Первый раз верхом поедут? Наверное, ухохочешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.